

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Счастье по собственному желанию
Встретимся в другой жизни	Лювеобильный джек-пот
Я – его алиби	Длинная тень греха
Девушка с секретом	Личное дело соблазнительницы
Блудница поневоле	Большие проблемы маленькой блондинки
Неплохо для покойника	Красотка печального образа
Стервами не рождаются!	Ночь с роскошной изменницей
Дожить до утра	Окно в Париж для двоих
Крестный папа	Лицензия на happy end
Ничто не вечно под луной	Черная корона
Миллион причин умереть	Рыцарь чужой мечты
Рыжая-бесстыжая	Демон искушения
Охотники до чужих денежек	Грешница в шампанском
Мужей много не бывает	Принцип Отелло
Ты у него одна	Исполнительница темных желаний
Любитель сладких девочек	Жизнь нежна
Игры в личную жизнь	Мода на чужих мужей
Черт из тихого омута	Пока смерть не разлучит нас
Обмани меня красиво	Завтра не наступит никогда
Старая тайна, новый негодяй	Пять минут между жизнью и смертью
Миллионерша поневоле	Любовь окрыляет
Внимание: неверный муж!	Единственная моя
В любви брода нет	
Последняя ночь с принцем	
Осколки ледяной души	

С первого взгляда	Без вины преступница
Второй подарок судьбы	Пленная птица счастья
Зеленые глаза викинга	Ничего личного, кроме боли
Тайна, приносящая смерть	Заговор обреченных
Цвет мести – алый	Узнай меня
Не доставайся никому!	Заповедник потерянных душ
Чужая жена – потемки!	Ангел мщения
Возвращаться – плохая примета	Первый шаг к пропасти
Врачебная тайна	Вкус запретного плода
Призрак другой женщины	Исповедь обманутой жены
Тайну хранит звезда	Свидетельницы зла
Семь лепестков зла	Королева отшельников
Свидание на небесах	Игры небожителей
Ведьма отмщения	Грех с ароматом полыни
Программа защиты любовниц	Кукла-любовь
Кинжал в постели	Позови ее по имени
Гнев влюбленной женщины	К северу от любви
Лучший день в году	Пепел прошлого
Нирвана для чудовища	Без крестной феи
Незнакомка с тысячью лиц	Псевдоним украденной жизни
Последнее прибежище негодяя	Цена откровения
Счастье с третьей попытки	Конец игры с продолжением
Подвенечный саван	Шоу семейных секретов
Заключение счастья	В интересах личного дела
Торговка счастьем	Правда персонального формата
Амур с оптической винтовкой	Простить нельзя помиловать
Месть Спящей красавицы	Лабиринт простых сложностей
Демон ревности	Теория вероятного чуда
Преступно счастливая	Забавы мертвых душ
Изменница поневоле	Преступные игры гения
Закон сильной женщины	Тайна за семью печалями

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОГО ЧУДА

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии А. Антонова
Дизайн обложки К. Гусарева

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Теория вероятного чуда : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-195950-0

Капитан Дарья Пронина разоблачала преступников, но даже не подозревала, что муж ее обманывает. Да так банально – с собственной секретаршей! Конечно, Даша с неверным мужем развелась, но он не дал ей о себе забыть: явился с просьбой найти бесследно пропавшую любовницу. Даша взялась помогать своему бывшему – и моментально оказалась в самой гуще запутанной криминальной истории. Причем не в качестве следователя, а в роли главной подозреваемой! Рядом начал крутиться сомнительный тип, неприлично красивый и опасно предприимчивый, и Даша совершенно запуталась, кто ей друг, а кто враг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024
ISBN 978-5-04-195950-0

ШАВА 1

Солнце жгло макушку с такой силой, что, казалось, волосы слегка потрескивают. И кожа головы — еще минута-другая — начнет лопаться и дымиться. И ее зальет кровью. И люди, проходящие мимо, станут от нее шарахаться, показывать пальцем или просто снимать на мобильник, чтобы выложить в Сеть. Некоторым ведь кажется забавным истекающий кровью человек. Некоторым уродам, да...

Надо было отойти в тень. Всего шаг сделать влево. Там росло огромное дерево, тоже, как и она, уставшее от зноя и пыли, но все же отбрасывающее благодатную тень. Она поискала глазами вокруг себя на асфальте. Странно, но от нее уже и тени не было. Она превратилась в нечто, не способное помочь кому-нибудь в зной или мороз. Рядом с ней было либо очень холодно, либо невыносимо жарко.

— Ты не создана для счастья, милая, — со странным сожалением произнес перед расставанием ее бывший муж. — Прими это как данность

и не мучайся. И не мучай других. Прекрати уже регулярно ходить замуж!

Муж, к слову, был уже третий, поэтому к его словам она не особенно прислушивалась. По роду мужчин, достающихся ей в мужья, то ли по странному стечению обстоятельств, то ли по чьему-то проклятию, она хорошо изучила. Поэтому особенно не расстраивалась. То есть не принимала все их обидные реплики в ее адрес на свой счет. И плохой она уж точно не была. Стали бы ее держать в органах, продвигать по служебной лестнице, да еще и награждать.

— Я такая, какая есть, — ответила она ему спокойно, невозмутимо наблюдая за его сборами. — Ты знал, какая я. Чего сейчас? Почему именно сейчас?

— Я сожалею, — грустно изрек бывший третий. — Я хотел семью. Настоящую семью. Детей. Своих собственных. С моими генами, похожих на нас глазами и ушами. А ты...

А она, стоя сейчас на солнцепеке, держала в руках медицинское заключение, гласившее, что у нее какая-то странная несовместимость с ее бывшим третьим. Несовместимость расписывалась терминами, в которых она ну вот ничего вообще не понимала.

Если честно, то она надеялась на чудо. И анализ этот дорогостоящий сдала, когда у них начались всякие скотские свистопляски с его отсутствием ночью дома, потому что он решил до утра остаться в офисе, вызовами в выходные дни на работу, с повернутой к ней спиной в постели, потому что он страшно устал. В темечко ударило: начинается. И она помчалась в этот медицинский

центр. Биоматериал мужа не понадобился. Он уже сдавал анализ за несколько недель до нее, устав ждать, когда она его осчастливит двумя полосками на тесте на беременность. С ним оказалось все хорошо. Значит, причина была в ней. Она и решилась...

Анализ делали бесконечно долго. Потом она о нем забыла. Потом вдруг вспомнила. Стало интересно. Вдруг они рано разбежались? Вдруг у них еще получился бы ребенок с его ушами и ее глазами?

И сегодня с утра она поехала в медицинский центр и получила результат, когда ее третьего мужа уже и след простыл. Они уже два месяца как разъехались. И месяц как не состояли в официальном браке.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — отозвалась она ворчливо на телефонный звонок Палыча — ее коллеги и старого друга. — У нас какая-то странная несовместимость.

— Какая? — фыркнул Палыч недоверчиво. — Чего это такое вообще?

— Простыми словами: моя яйцеклетка не хочет его сперматозоидов. Или наоборот.

— А может, это ты его не хочешь, Панина? А на яйцеклетку все сваливаешь?

В телефоне раздался скрежет, непременно показавшийся бы постороннему человеку странным. Но она точно знала: Палыч чешет щеку, заросшую за выходные густой седой щетиной. Он никогда по выходным не брился. Ныл, что и в будни бы не взял в руки бритву, если бы не устав.

— Фигня это все, Палыч. Врут они. Я, наверное, просто бесплодна. Третий муж, а картина маслом одна.

— Так у тебя и мужа-то как близнецы с той картины маслом, Панина, — хохотнул он и снова пошкрябал жесткую щетину. — Все какие-то тоненькие, стройненькие, пиджачки в обтяжечку, стрижка за пять тысяч, маникюр с педикюром по пятницам. Ну что это такое? Разве это мужики?

— Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей, Пушкин Александр Сергеевич утверждал. Давай не станем с ним спорить, Палыч?

Она досадливо поморщилась, тут же привычно пожалев, что излишне откровенна с коллегой. Тот не щадил ее никогда. И всех ее мужей не щадил тоже, а он их знал и критиковал при каждом удобном случае. А когда она с ними расставалась, удовлетворенно улыбался. И непременно добавлял: «А я тебе говорил!..»

— Что там про твое бесплодие доктора говорят? — вернул ее к реальности озадаченный голос Палыча.

— Ничего. Говорят, что здорова.

Она подумала, говорить ли дальше? Не вызовет ли ее новость у Палыча очередных замечаний, но все же не выдержала и произнесла:

— Но советуют не затягивать с этим. Часики тикают, и все такое...

— Во-от, Панина. Верь им, — миролюбиво изрек Палыч, кажется, улыбаясь. И добавил: — И не затягивай. Согласен с твоими докторами: время быстротечно. А ты куда сейчас?

Она вообще-то никуда не собиралась. Если бы у нее на руках было положительное решение проблемы ее неудавшегося третьего брака, она бы, возможно, позвонила бывшему. Может, промямлила бы что-нибудь в духе: давай попробуем еще раз.

Но на руках у нее был приговор. Их брак не просто расторгнут, он похоронен под бетонной плитой. И поэтому делать дома ей было абсолютно нечего. Потому что некого было тащить в койку.

— Я не знаю, Палыч. — призналась она честно после недолгих размышлений. — Жара на улице. Домой тоже не хочу.

— Дуй ко мне, за город. В саду благодать. Пожарим чего-нибудь. Я рыбы вчера наловил.

Она поморщилась. Рыбу, которую ловил в озере Палыч, она не просто не любила, она не умела ее есть. И вся мякоть, что имелась на мелких противных косточках, так на них и оставалась. Палыч злился на нее, учил, как надо обращаться с его деликатесом, но у нее ничего не выходило.

— Не хочешь рыбы, пожарим мяса, — тут же заполнил он повисшую паузу миролюбивым голосом старого добряка. — Я вчера купил таких свиных ребрышек...

Она закатила глаза. Свиные ребрышки были чуть лучше прудовой рыбы. Особенно те, которые где-то ухитрялся добывать Палыч. На костях, напоминающих музыкальный инструмент далеких горцев, кроме жира не было ничего.

— Спасибо, Палыч, но, пожалуй, я поеду домой. Времени уже не остается на шашлык с учетом дороги, — принялась она тут же оправдываться.

— Панина, так бы и сказала, что ни моя рыба, ни свиные ребрышки тебя не прельщают. Вот начинаешь крутиться, — совсем без обиды проговорил он. — Ладно, поезжай домой. Но только обещай мне не тосковать, идет?

— А с какой это стати мне тосковать, Палыч? — она даже рассмеялась. — Диагноз вынесен не мне, а моему браку.

— Это я так, на всякий случай. И да, Панина, постарайся не влезать ни в какие приключения по дороге домой.

— В смы-ысле? — протянула она с наигранным удивлением.

— В том самом, что не бросайся по дороге домой задерживать преступников, случайно подвернувшихся тебе, не очутись в числе заложников или свидетелей правонарушений, одним словом, прекращай спасать мир в свободное от работы время. Чтобы мне не пришлось спасать тебя в мой личный выходной...

Рассмеявшись, они простились.

Опустив солнцезащитный козырек в машине, она уставилась на свое отражение в маленьком зеркале с подсветкой.

— Ну что, Дарья Дмитриевна, едешь домой? Или пообедаешь?

Она могла сколько угодно обманывать себя и своего старого друга Палыча. От содержания той бумаги, что лежала сейчас в ее сумочке, ей было совсем не весело. Так же не бывает, чтобы какая-то там несовместимость мешала ей завести ребенка сразу от трех мужчин. Не одновременно, конечно. А по очереди, но все же! Так же не бывает, чтобы три ее бывших мужа были с ней не-

совместимы по каким-то там медицинским показателям, выговорить которые страшно сложно. И даже сложно прочитать. Может, с ней в самом деле что-то не так? Она чем-то больна, а от нее это просто скрывают?

Вдруг вспомнились слова пожилой акушерки одного из медицинских центров, куда она бегала, будучи во втором браке.

— Просто ваше время еще не пришло, милая, — ласково улыбаясь, пыталась она ее утешить. — Рождение человека — это Божий промысел. Только ему решать, когда, от кого и кто это будет.

Даша тогда возмущенно отозвалась, наговорив ей много чего и про прогрессивные методы лечения, и про возможность запрограммировать пол будущего ребенка, и про странности подобного рассуждения, услышанные ею из уст медицинского работника. На что, снова ласково улыбнувшись, старая акушерка ответила:

— Я десять лет лечилась, таскала на обследования своего бедного мужа. Оба здоровы, а детей нет!

— И? — уставилась тогда на нее Даша злыми глазами. — Детей у вас так и нет?

— Есть. Трое. Но не от мужа. Он ушел, не дождавшись наследников.

— И кто же стал отцом ваших детей? — чуть сбавила она обороты, просто стало интересно.

— Жил в соседней квартире один холостой парень... — рассмеялась пожилая акушерка.

У Даши по соседству холостых парней точно не имелось. На ее лестничной площадке все люди были семейными, обстоятельными, и все с дет-

ками. Выше и ниже жили девушки-студентки, пенсионеры, снова семейные пары. И ни одного, даже самого захудалого холостого парня, способного польститься на ее пятьдесят килограммов при росте метр семьдесят пять и возрасте — тридцать пять лет. Ни одного вообще!

Даша подъехала к первому попавшемуся на пути кафе. Ей вдруг захотелось супа. Она вообще всем на свете блюдам предпочитала супы. Лучше овощные. Еще лучше — пюрированные. Проглотил за мгновение — и сыт. И жевать не надо.

— Это от недостатка времени, Палыч, — пыталась она оправдать перед коллегой свои вкусовые пристрастия. — Обедаем на бегу. Разве нет?

Сейчас ей предоставлялась прекрасная возможность не торопиться.

В кафе, которое случайно попало ей на пути, народу было немного. Выходной день. Жара. Горожане устремились на природу. В городе оставались, как она считала, такие же, как и она, — неприкаянные. В кафе неприкаянных, без нее, насчиталось восемь человек. Две пожилые пары в дальних, противоположных углах. Одна девушка за столиком у окна ожидала заказа, не отрывая взгляда от телефона. И трое шумных молодых людей почти у самого входа.

Вот почему ей захотелось сесть за столик, диванчик перед которым соприкасался спинками с диванчиком, занятым парнями? Не за девушкой уселась. Не перед пожилыми парами. А прямо за парнями, вызывающее поведение которых, кажется, беспокоило официантов.

Даша заказала суп из брокколи с орешками и зеленый чай. Уставилась в широкое окно до

пола, за которым припарковала свою машину. Осмотрела весь транспорт на стоянке перед кафе и решила, что молодым парням может принадлежать черная отечественная машина с непроницаемо черными стеклами. Ну не пенсионеры же на ней приехали!

— Ты урод, понимаешь, Вова? — прошипел почти над самым ее ухом встревоженный голос одного из парней. — Ты все испортил! Был классный план, а ты...

— А что я? — с вызовом отозвался, надо полагать, Вова.

— А ты все слил своей телке. Та рассказала подругам. И вот теперь, скажи, кого из вас нам надо ликвидировать?

Даша настороженно прислушивалась, прекрасно понимая, что этот разговор может как ничего не значить, так и значить очень многое.

— Пошел ты, Стас, — вяло отреагировал Вова. — Твой план изначально был фуфло. Ты ничего не продумал. Ни то, как отключить камеры. Ни путей отхода. Ни возможного вмешательства кого-то из людишек. Твой план просто детский. И вообще, хорош голосить. Нас могут услышать.

— Кто? — отозвался насмешливо Стас. — Тут почти никого нет. Телка с телефоном? Или тетка, что только что зашла? Так телка далеко сидит. А у тетки на морде написано: неудачница. Ей до нас дела нет. У нее какая-то личная трагедия...

Она подавилась первой ложкой супа, который ей принесли только что.

Она тетка? Ей тридцать пять всего, идиоты! И трагедии у нее никакой не случилось. Подумаешь, третий муж от нее ушел, от которого она

не смогла забеременеть. И вообще, у нее не морда, а очень симпатичное лицо. Даже красивое, если верить отзывам окружающих. И уж неудачницей она точно не была. Ей все удавалось. Почти все!

— В общем, Вова, дело мы свое сделаем. С тобой или без тебя, но сделаем. Не там, где планировали, конечно. Ты виноват. И телка твоя. Накажем... — он понизил голос и что-то долго втолковывал друзьям почти шепотом. — Так что, Вова, ты с нами?

— Нет, — твердо ответил Вова. — И девушку мою только посмей тронуть. Я тебя...

А дальше за ее спиной началась странная возня, сдавленные ругательства. Со стороны барной стойки слышались предостерегающие возгласы. Даша отложила ложку, отодвинула тарелку с недоеденным супом. Проговорила едва слышно:

— Палыч, ты накаркал!

И встала с места.

ЧАВА 2

— Я вообще не понимаю, за что задержан? — молодой человек со свежим синяком под левым глазом смотрел на нее дерзко и даже весело. — Вы в своем уме, товарищ полицейская? Все придумали и...

— Синяк тоже придуманный? Или, может, нарисованный?

— Мое лицо, мой синяк. Какое отношение он имеет к вам, не понимаю?

Она точно знала, что за черным стеклом сейчас стоит Палыч, смотрит на это представление и сердито пыхтит. И она даже знала, что он ей скажет, когда она выйдет из комнаты для допросов.

— Опять, Панина? — глянет он с укором. — Почему тебя разжигает именно в выходной, а? Не могла подождать до понедельника? Что за блажь?

— Это не блажь. За моей спиной совершенно точно планировали ограбление.

— Ограбление чего? — устало глянет Палыч. — Ни одного факта, подтверждающего твои слова. Ни одного свидетеля. Задержанный случайно оказался в твоих руках, потому что друзья его бросили и сбежали. Задержанному предъявить нечего. Вот зачем все это было устраивать?

— Как же нечего, как же нечего, Палыч? — принялась бы она горячиться. — А скандал в общественном месте? А драка?

— А он говорит, что никто не дрался. Что он просто упал. Или я ослышался? И официанты ничего не подтвердили, потому что им не разрешено привлекать внимание клиентов такой скандальной историей. Никто не подтвердил твоих слов, понимаешь?..

Все это мог бы сказать Палыч, но не факт, что скажет. Будет просто молчать и коситься на нее с укором. Ему и говорить, по сути, ничего не надо. Она и так все знает.

Она была не права, что вмешалась. Ну, болтали друзья что-то такое. Ну, потасовка меж ними случилась. И что? Зачем непременно ей надо было браться доспехами и задерживать этого наглеца?

Не объяснить же, что у нее сработало нечто, что ее коллегами принято называть чуйкой. Понятно, это к делу не пришьешь.

— Вас задержали по факту драки, которую вы устроили в общественном месте, гражданин Гордеев.

— Это не я. И драки никакой не было. Я упал.

— На глаз? Упали на глаз, Гордеев? — усмехнулась она, подумав с тоской, что лучше бы проехала мимо этого дурацкого кафе.

— Мое дело, как падать. Разве нет?

Он откровенно издевался.

— Я кое-что слышала из вашего разговора, — начала она осторожно, внимательно наблюдая за его реакцией. — Вы планировали ограбление. Какого банка, если не секрет? Какого из ваших друзей звали Владимир? Он рассказал о ваших планах своей девушке и вы решили ее и его за это наказать? Это явилось причиной драки?

Скуластое лицо парня застыло лишь на мгновение, потом тонкие губы снова разошлись в ядовитой ухмылке.

— О чем вы, не пойму? Какое ограбление? Кого наказать? Это вымысел. Плод вашего воображения, товарищ полицейская.

На телефон ей тут же поступило сообщение от Палыча.

«Гордеев Станислав Иванович, двадцать семь лет, холост, работает в охранной фирме, ранее не судим, не привлекался. Заканчивай представление, Панина».

Конечно, она мгновенно напряглась, узнав, что наглец работает где-то охранником. Не в банке, случайно? Не его ли собрался ограбить? Но то,

что парень имеет безупречное прошлое, ее разочаровало.

— Вас отпустят, конечно же, Гордеев. Но знайте: я за вами наблюдаю, — она сделала характерный жест указательным и средним пальцами, раздвинув их буквой V. — И машина у ваших друзей приметная.

— Какая машина? — он впервые прекратил глумливо скалиться, сел ровно, насторожился.

— Та самая, на которой вы все приехали в кафе, — она назвала номер и марку. — Кто за рулем был? Владимир Зотов? Его вы собрались наказать?

— Уже успели, пробили? — покивал Гордеев. — Быстро работаете. Прямо как в кино. Только, уверяю вас, все мимо...

Из отдела они с Палычем вышли в семнадцать тридцать пять. За десять минут до этого оттуда вышел Гордеев.

— Кто его забрал? — спросила она Палыча, с хмурым видом марширующего рядом.

— Такси, — ответил он коротко. — А ты думала — кто? Черная машина с черными стеклами за ним приехала? И они прямоком отправились грабить банк?

— Палыч, не начинай. Драка была? Была.

— Где это зафиксировано, позвольте спросить? — он приложил ребро ладони за ухо, оттопырив его. — Никто из сотрудников кафе не дал показаний. И наряд, который приехал по твоему звонку, зафиксировал лежащего на полу человека. И капитана полиции Панину, которая упиралась ему коленом в спину. Даша... Дарья Дмитриевна, поезжайте уже домой, а!

Завтра понедельник. Начинаются будни. Отдохни уже...

За всеми его словами, сказанными тихо, крылось раздражение. Она безошибочно его угадывала. И возразить было нечего: Палыч имел право на нее злиться. Она загубила ему выходной день. Он только костер разжег, чтобы ребрышек нажарить, как от нее поступил звонок. И теперь и угли прогорели, и ребра дольше положенного мариновались. И пока он доберется до своего дома за городом, спать пора.

Вечно она всем все портит! Таким приблизительно был его взгляд, которым он с ней попрощался.

До дома она домчалась быстро. Поставила машину на место, которое никто не занимал на парковке из уважения к ней. Поднялась в лифте на свой восьмой этаж и, повернув к своей квартире, замерла от неожиданности. У двери ее квартиры топтался бывший третий.

— Ты что здесь делаешь? — округлила Даша глаза.

Вид у бывшего был пришибленный. Она могла бы даже подумать, что он сильно скучал по ней, измучился, извел себя воспоминаниями и угрызениями совести, и именно по этим причинам он здесь. Она могла бы так подумать, если бы плохо знала его. Но знала его она хорошо. И поэтому предположила, что бывшему третьему от нее нужна какая-то помощь. Не исключено, что материальная.

— Даша, помоги! — воскликнул он, вздрогнув от звука ее голоса, и уставил на нее полные слез глаза. — Помоги, прошу тебя!

О господи! Это он от нее ушел, никто его не выгонял. Добровольно ушел! Она же ему теперь должна и раны зализывать?

— Что случилось, дорогой? — не без ехидства поинтересовалась Даша, открыла дверь в квартиру, подтолкнула бывшего в спину. — Входи, Коленька.

Тот вошел, привычно пошарил взглядом под вешалкой в поисках своих тапочек.

— Ты их забрал, не помнишь?

Даша скинула балетки, босой пошла в кухню, зная, что Николай тут же последует за ней. И безошибочно угадала, что он усядется в любимый угол. Как он любил говорить: под образами. Образов никаких не было, в смысле, икон. И быть не могло. К религии Даша относилась с некоторым сомнением. Но Коленьке все равно нравилось так говорить.

Не спрашивая, она зарядила кофемашину зернами, налила сливок на дно кофейной чашки. Это был его любимый кофе: чуть сливок, много кофе и никакого сахара.

— Пей, — поставила она через минуту перед ним кофе. — Пей. Рассказывай и проваливай.

— Да, да, спасибо.

Он рассеянно глянул, потер лоб указательным пальцем, вышло очень женственно. Чуть наклонился в ее сторону и прошептал с горечью:

— Она пропала, Даша!

— Кто она?

В сердце вонзилась не то чтобы игла, так — небольшая колючка. Но уколола ощутимо. Этот говнюк что же, явился к ней с просьбой отыскать его сбежавшую невесту? Совершенно обнаглел!

— Моя девушка пропала, — не разочаровал ее Коленька и сделал три аккуратных глотка.

— То есть ты хочешь сказать: сбежала?

— Я сказал то, что хотел, дорогая, — одернул он ее и строго глянул. — Она пропала! Уже три дня ее нет. Нигде! Ни на работе, ни дома, ни у родителей.

— А где она работала? — снова кое-что запоздрила Даша. — Не под твоим ли началом?

— Что ты этим хочешь сказать! — попытался возмутиться Коленька, но тут же сник под ее насмешливым взглядом. — Ну да, да, она была моим секретарем.

— О как! — Она почувствовала, как кровь начинает бурлить, вот-вот готовая броситься ей в голову и окрасить лицо пурпуром бешенства. — И давно вы так слаженно сотрудничали? В смысле, спали? Еще когда ты жил со мной?

— Ой, ну при чем тут это?! — завопил он и тут же получил легкую пощечину и захныкал. — Ты постоянно на работе. Тебя никогда не бывало дома. Я устал от одиночества при живой жене. А Ася... Она всегда рядом.

— В смысле, под рукой? Нажал кнопку вызова. Запер дверь кабинета. И вот она уже сидит на твоём столе с широко разведенными ногами. Коля, ты идиот!

Она встала, открыла воду, сполоснула абсолютно чистый стакан. Налила себе воды из крана с фильтром и выпила залпом двести граммов. При этом она очень старалась, чтобы руки ее не тряслись.

— Почему это я идиот?

Еще три аккуратных глотка.